

Факторы, влияющие на ожидаемое профессиональное долголетие в России и Казахстане

Березина Т.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanbercz@mail.ru

Стельмах С.А.

Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Саральнова Д.И.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralnova@mail.ru

Цель. Выявить факторы, влияющие на ожидаемый пенсионный возраст в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Контекст и актуальность. На фоне пенсионной реформы, искусственно повысившей продолжительность трудового периода работников, а также регистрируемого повышения средней продолжительности жизни является актуальным изучение факторов, влияющих на профессиональное долголетие в Казахстане (где пенсионная реформа частично завершилась) и в России.

Дизайн исследования. Кросс-культурное исследование, сравнительный анализ двух уравненных по календарному возрасту групп. Использовалась статистика: регрессионный анализ, -критерий Фишера, критерий Стьюдента для несвязанных групп.

Участники. 474 человека в возрасте от 35 до 70 лет. Жители Российской Федерации: 249 человек (из них 56% женщин). Жители Республики Казахстан: 225 человек (из них 52% женщин).

Методы (инструменты). Шкала ожидаемого пенсионного возраста (Т.Н. Березина), опросник личностных ресурсов (Т.А. Финогорова, Т.Н. Березина), анкета для оценки социально-демографических показателей, опросник «Субъективная оценка здоровья» (П.В. Войтенко), статистическая балансировка (П.В. Войтенко).

Результаты. В России ожидаемый пенсионный возраст: женщины – 54,9 лет, мужчины – 58,3 года, в Казахстане: женщины – 57,4 года; мужчины – 60,8 лет. В срок планируют выйти на пенсию: в Казахстане – 48% мужчин и 19% женщин, в России – 3% и 1% соответственно. Планируют работать свыше пенсионного возраста: в России – 5% женщин и 5% мужчин, в Казахстане – 0% и 3% соответственно. Различия достоверны.

Выводы. Главным фактором профессионального долголетия выступает состояние здоровья (объективное и субъективное). Наличие семьи (Казахстан) и детей (Россия) важны только для женщин, и они снижают профессиональное долголетие. Наличие интересных хобби повышает профессиональное долголетие у женщин в России и частично у женщин в Казахстане. Проживание в крупном городе снижает ожидаемое профессиональное долголетие в Казахстане.

Ключевые слова: ожидаемый пенсионный возраст; профессиональное долголетие; кросс-культурное исследование; пенсионная реформа; антистарение.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00058 П.

Благодарности. Авторы выражают благодарность коллегам, принимавшим участие в сборе данных: А.М. Зинатуллиной, А.А. Зиминой, Т.Е. Фатьяновой, Ф.С. Исяндавлетовой.

Для цитаты: Березина Т.Н., Стельмах С.А., Саралпова Д.И. Факторы, влияющие на ожидаемое профессиональное долголетие в России и Казахстане // Социальная психология и общество. 2025. Том 16. № 1. С. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2025160108>

Factors Influencing Expected Professional Longevity in Russia and Kazakhstan

Tatiana N. Berezina

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Svetlana A. Stelmakh

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Dana I. Saralпова

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralпова@mail.ru

Objective. *To identify factors influencing the expected retirement age in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.*

Background. *Against the backdrop of the pension reform, which artificially increased the length of the working period of workers, as well as the recorded increase in average life expectancy, it is relevant to study the factors influencing professional longevity in Kazakhstan (where the pension reform has partially completed) and in Russia.*

Study design. *Cross-cultural study, comparative analysis of two groups equalized by calendar age. Statistics were used: regression analysis, Fisher's test, t-test for unrelated groups.*

Participants. *474 people aged from 35 to 70 years. Residents of the Russian Federation: 249 people (of which 56% are women). Residents of the Republic of Kazakhstan: 225 people (of which 52% are women).*

Measurements. *Scale of expected retirement age, Questionnaire of personal resources, Questionnaire for assessing socio-demographic indicators, health indicators: subjective assessment of health, statistical balancing.*

Results. *In Russia the expected retirement age is: women – 54,9 years, men – 58,3 years, in Kazakhstan: women – 57,4 years; men – at 60,8 years. Plan to retire on time: in Kazakhstan 48% of men and 19% of women, in Russia 3% and 1%. To work beyond retirement age: in Russia: 5% of women and 5% of men, in Kazakhstan: 0% and 3%. The differences are significant.*

Conclusions. *The main factor in professional longevity is the state of health (objective and subjective). Having a family (Kazakhstan) and children (Russia) are important only for women, and they reduce professional longevity. Having interesting hobbies increases professional longevity among women in Russia, and partially among women in Kazakhstan. Living in a large city reduces expected professional longevity in Kazakhstan.*

Keywords: *expected retirement age; professional longevity; cross-cultural research; pension reform; anti-aging.*

Funding. The study was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00058-P.

Acknowledgements. The authors express gratitude to the colleagues who took part in the collection of data: A.M. Zinatullina, A.A. Zimina, T.E. Fatyanova, F.S. Isyandavletova.

For citation: Berezina T.N., Stelmakh S.A., Saralpova D.I. Factors influencing expected professional longevity in Russia and Kazakhstan. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2025. Vol. 16, no. 1, pp. 142–158. DOI: <https://doi.org/10.17759/sp.s.2025160108> (In Russ.).

Введение

Одним из важнейших социальных преобразований последнего десятилетия можно считать пенсионную реформу. В процессе ее проведения респонденты столкнулись с вынужденным увеличением своего профессионального долголетия, и это вызвало у них неоднозначную реакцию. Реформа проходит во многих странах, включая Казахстан и Россию, однако отношение к ней различается и зависит от национального менталитета респондентов и от особенностей ее проведения. Казахстан первым на постсоветском пространстве начал пенсионную реформу, приняв в 1997 г. законы: «Концепцию реформирования пенсионного обеспечения» и «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан». Для мужчин пенсионная реформа началась в 1998 г., когда для них был установлен пенсионный возраст 63 года, реформа для женщин началась практически одновременно с российской и продолжается в настоящее время, с каждым годом незначительно повышая профессиональное долголетие для своих граждан. Другой объективный фактор увеличения профессионального долголетия — это повышение средней продолжительности жизни в большинстве стран, в том числе в России и Казахстане. Однако, как показывают исследования, на субъективном уровне далеко не все граждане рассматривают потенциальное повышение продолжительности жизни как достаточную причину продлить и ее трудовой период.

В свете вышеперечисленного актуальным является изучение факторов, влияющих на представление респондентов о своем ожидаемом пенсионном возрасте и его соотношении с юридическим возрастом выхода на пенсию в данной стране.

Профессиональное долголетие — это показатель, характеризующий длительность периода активной профессиональной деятельности человека. Профессиональное долголетие по определению представляет собой способность субъекта на высоком уровне решать поставленные профессиональные задачи в течение всего социально заданного периода трудовой деятельности, то есть сохранять профессиональную трудоспособность [14]. Для оценки профессионального долголетия обычно используют либо объективные показатели (возраст выхода на пенсию), либо субъективные (самооценка). В современной науке считается, что реальный пенсионный возраст больше не является хорошим показателем окончания трудовой жизни, потому что многие пожилые работники постоянно приходят на работу. Более полезным показателем является ожидаемая продолжительность трудовой жизни (WLE), которая представляет собой ожидаемое количество оставшихся лет от определенного возраста, в течение которых человек будет работать, иными словами, ожидаемый пенсионный возраст [16].

Наиболее изученными факторами профессионального долголетия выступают: экономические, социально-демо-

графические, состояние здоровья, образ жизни.

Экономические факторы. Во многих странах размер пенсии зависит от стажа работы. Чтобы получить максимальную (полную) пенсию, работник должен проработать еще какое-то время после достижения им пенсионного возраста. Как отмечают К. Куито и Дж. Хелмдаг, наиболее важные реформы государственных обязательных пенсионных схем в этом направлении включают повышение установленного законом пенсионного возраста, ограничение или отказ от досрочного выхода на пенсию, установление финансовых стимулов для работы после достижения официального пенсионного возраста, а также увеличение взносов или стажа работы, дающих право на получение полной пенсии. Следовательно, связь между продолжительностью трудовой жизни, пожизненным заработком и адекватностью уровня доходов в пожилом возрасте усиливается, и доходы в старости стали в большей степени зависеть от участия на рынке труда и его интенсивности в течение трудоспособного возраста, но, что еще более важно, в конце трудовой жизни [17]. Это понуждает работников не выходить на пенсию, продолжая и продолжая работать с целью получения в перспективе более высоких пенсионных выплат.

В странах, где размер пенсии фиксирован (а сюда относится и Россия, и Казахстан), экономические стимулы также присутствуют. Исследователи из Казахстана, проведя комплексное исследование факторов, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни в регионах Казахстана (данные предоставлены Министерством национальной экономики и Министерством здравоохранения Республики Казахстан), на основе панельных данных установили, что наиболее зна-

чимыми факторами оказались экономические, такие как доход и прожиточный минимум [19]. Как следует из таблиц, приведенных авторами исследования, корреляции положительные, т.е. с увеличением уровня дохода индивид планирует большую продолжительность жизни. Однако в этом исследовании приводятся только данные о связи дохода с ожидаемой общей продолжительностью жизни. Что же касается связи дохода с продолжительностью профессиональной жизни, то здесь связи сложнее.

Следует отметить, что в значительной части случаев уровень дохода респондента связан с успехами в его трудовой деятельности, поэтому его трудно отделить от факторов: наличие интересной, перспективной работы, самореализация, успешная карьера. А это, в свою очередь, связано с профессиональным долголетием, т.к. карьера требует значительного времени на свое осуществление. Это согласуется с данными Дж. Беннетта и К. Меринга, которые считают, что риски досрочного выхода на пенсию для инсайдеров рынка труда (т.е. людей, успешных в своей карьере) значительно ниже по сравнению с теми, у кого нестабильная карьера (т.е. аутсайдерами) [15]. В России показана связь между успешностью в трудовой деятельности и профессиональным долголетием для многих категорий работников [12]. К среднестатистическим факторам профессионального долголетия научных работников, наряду с материальной обеспеченностью, относят: удовлетворенность работой, образовательный рост и карьерный рост [13]. В Казахстане для преподавателей университетов в качестве фактора профессионального долголетия была предложена потребность в профессиональном развитии [21].

Исходя из описанных выше данных, складывается впечатление, что матери-

альный недостаток сцеплен с успешной карьерой и в целом способствует профессиональному долголетию. Однако есть и другие данные. Исследователи из Индии изучили около 252 человек в возрасте от 55 до 70 лет из Дели и Северной Каролины. Было проведено сравнение тех, кто вышел на пенсию, и тех, кто продолжал работать. Исследование показало связь более раннего выхода на пенсию с материальной успешностью и, наоборот, продолжения работы — с недостаточной финансовой защищенностью. Авторы пишут, что оптимальный выход на пенсию возможен только в том случае, если респондент спланировал заранее свою жизнь с надлежащими финансами и сбережениями или правительство предоставляет ему много пособий по социальному обеспечению [20].

Состояние здоровья — фактор, которой отмечается в исследованиях, проведенных во всех странах, в том числе в России [8; 12] и в Казахстане [1; 19].

Большое количество связей установлено между соматическим здоровьем и ожидаемой (или реальной) длительностью трудового периода. Как отмечали исследователи в ЕС, именно соматическое здоровье является центральным фактором, определяющим профессиональное долголетие. Именно оно может оказаться ключевой причиной, которая будет препятствовать продолжению работы, даже если человек может и хочет. Они отмечали, что положительное влияние увеличения продолжительности жизни на продление трудовой жизни поразительно подчеркивает важность способности продолжать работать, связанной со здоровьем. Полученные результаты еще раз указывают на тот факт, что не все могут продолжать работать, независимо от их желания или политики, связанной с уходом с рынка труда [17].

Показана связь профессионального долголетия с биологическим возрастом респондента и показателями здоровья, которые входят в него, например, такими как статическая балансировка. Многие авторы отмечали, что биологический возраст как интегральная характеристика здоровья является лучшим предиктором профессионального долголетия, чем календарный возраст [6].

Есть данные о связи профессионального долголетия педагогов с психическим здоровьем. Как отмечают российские исследователи, среди факторов, влияющих на продолжительность профессиональной деятельности, значимыми являются психологическое здоровье и компоненты, его составляющие. На основании эмпирического исследования ими установлены корреляции между общим уровнем саморегуляции и психологическим здоровьем педагогов, в свою очередь связанные со стажем [8].

К факторам профессионального долголетия также относят **социально-демографические**, из них важнейшие — наличие семьи, качество семейных и родительно-детских отношений. Существуют несколько исследований взаимосвязи семейного статуса с продолжительностью трудового периода. Наличие семьи рассматривается как один из компонентов отложенного старения. В России отложенное старение рассматривается как процесс многоуровневый и многоактовый: государство — социально ответственный бизнес — институты гражданского общества — семья — сам человек, при этом трудовая профессиональная занятость рассматривается как терминальная ценность, как гарант осуществления жизнедеятельности во всех сферах общества, в том числе и семейной [11]. Вопрос о связи семейного статуса и профессионального долголетия доста-

точно сложный. На основе всероссийского социологического исследования, которое проводилось в 2019–2020 гг. в рамках проекта «Демографическое самочувствие России», была сделана попытка выявить взаимосвязь между брачным статусом российских мужчин и их установками на долголетие в широком смысле этого слова. Было показано, что, с одной стороны, установки на наибольшие сроки желаемой продолжительности жизни демонстрируют мужчины, состоящие в браке, с другой стороны, установки на сроки желаемой продолжительности жизни имеют максимальные значения и в группе мужчин, которые никогда не состояли в браке, но при этом отмечающих для себя высокую значимость профессиональных и личных целей [9]. Для российских женщин также было проведено исследование предикторов вероятностной продолжительности жизни со стороны качества семейных и детско-родительских отношений. Результаты исследования показали, что большее влияние на вероятностную продолжительность жизни оказали негативные аспекты семейных и детско-родительских отношений в сравнении с позитивными. Наиболее оптимистические прогнозы в отношении своего долголетия дают работающие и активно-физкультурные женщины [10]. Исследователи в Казахстане среди факторов здоровья, влияющих на ожидаемую продолжительность жизни, отмечали такой социально-демографический фактор, как соотношение разводов и браков [19]. Стойкий брак в Казахстане рассматривается как фактор, повышающий ожидаемую продолжительность жизни, однако мы не нашли данных о его влиянии на ожидаемую продолжительность профессиональной жизни.

Образ жизни, хобби, интересы, досуговая активность. Можно вывести еще

одну группу факторов — это личностные ресурсы антистарения, под которыми мы понимаем способы организации свободного времени, образ жизни, хобби, интересы. Именно этот подход реализуется в социальной программе «Активное долголетие» (работающей как в России, так и в Казахстане), одним из направлений которой является организация досуговых центров, где лица старшего возраста могут посещать кружки и секции по интересам. В России эффективность этой программы была доказана, в том числе и в наших собственных исследованиях [2]. В Казахстане исследование эффективности программ активного долголетия проводилось на базе Центральной клинической больницы Управления делами президента в Республике Казахстан, в исследовании участвовали 147 пациентов, прикрепленных к больнице. Был сделан вывод, что достижение активного долголетия является положительным фактором, были обнаружены положительные тенденции в развитии человеческого капитала государства: в качестве механизма предлагалось использование опыта и знаний старшего поколения в повышении эффективности социально-экономических преобразований в здравоохранении [1].

Среди личностных ресурсов, способствующих профессиональному долголетию, чаще всего называют здоровый образ жизни, физическую активность [13], занятие физкультурой [7], творческие или интеллектуальные хобби [8].

Цель: выявить факторы, влияющие на ожидаемый пенсионный возраст в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Гипотеза: мы предполагаем наличие нескольких факторов: социально-демографические характеристики индивида, показатели здоровья и личностные ре-

сурсы антистарения, понимаемые нами как способы организации досуга.

Метод

Методики исследования

1. Диагностика ожидаемого пенсионного возраста — ОПВ (авторская разработка Т.Н. Березиной) [4]. Представляет собой опросник, в котором испытуемый указывает пенсионный возраст, в котором он планирует выйти на пенсию, в котором по закону люди выходят на пенсию, идеальный, минимально и максимально допустимый для себя возраст выхода на пенсию. В тесте — одна шкала, представляющая собой среднее арифметическое значение ответов на данные вопросы. Эта методика была предназначена для оценки профессионального долголетия.

2. «Опросник личностных ресурсов». Авторская разработка Т.А. Финогеновой и Т.Н. Березиной [3]. Личностные ресурсы в рамках авторской концепции рассматривались как занятия (хобби и интересы), которые можно применять как дополнительные виды деятельности в повседневной жизни. В методике 13 шкал, соответствующих количеству личностных ресурсов: 1) Спорт, 2) Порядок, 3) Креативность, 4) Интеллект, 5) Предметный ресурс (Ручная работа), 6) Доброта (Альтруистический ресурс), 7) Юмор, 8) Духовность, 9) Риск, 10) Общение, 11) Природа, 12) Достижения, 13) Оптимизм.

3. Анкета для оценки социально-демографических показателей (пол, возраст, семейный статус, наличие детей, местожительство, профессия).

4. Опросник «Субъективная оценка здоровья» и статическая балансировка (входят в состав методики оценки биологического возраста В.П. Войтенко) [5] для оценки показателей здоровья.

Субъективная оценка здоровья — опросник, в котором предлагаются вопросы для выявления тех или иных проблем со здоровьем. Шкала обратная, измеряет количество заболеваний.

Статическая балансировка — стойка на левой ноге с закрытыми глазами. Измеряется длительность стойки в секундах. Является объективной характеристикой здоровья. В методике **одна** шкала.

Обработка данных

1) Критерий Стьюдента для несвязанных выборок для данных, собранных с помощью интервальных шкал.

2) φ -критерий Фишера для сравнения процентных соотношений. В ситуациях, где в определенной группе было 0 случаев, мы брали 1 случай. Подобная замена возможна потому, что она уменьшает вероятность сделать ошибку первого рода, а не увеличивает ее.

3) Регрессионный анализ. Использовался метод пошаговой гребневой регрессии с включением данных. Зависимой переменной выступал ожидаемый пенсионный возраст. Независимые переменные: личностные ресурсы, показатели здоровья и социально-демографические показатели.

Выборка: 474 человека в возрасте от 35 до 70 лет. Жители Российской Федерации: 249 человек (56% женщин): средний возраст женщин = 50,6 + 9,13; средний возраст мужчин = 49,6 + 12,91. Жители Республики Казахстан: 225 человек (52% женщин): средний возраст женщин = 49,1 + 8,18; средний возраст мужчин = 47,6 + 8,49. В выборку не были включены испытуемые, имеющие право выхода на досрочную пенсию (представители профессий особого риска и педагоги общеобразовательных школ).

Критерии отбора испытуемых. 1. Территориальный — все испытуемые жили

на обследуемой местности. В России обследование проводилось в нескольких регионах (Москва, Владикавказ, Московская область, Башкортостан, Оренбургская область). Обследовались люди, проживающие на определенном участке (приписанные к поликлинике, к школе, жители одой деревни, многоквартирного дома). В Казахстане обследование проводилось на базе НАО «Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова» (НАО «ВКУ им. С. Аманжолова»), г. Усть-Каменогорск. 2. Возрастной — все испытуемые относились к изучаемой возрастной группе. 3. Добровольность. 4. Анонимность. Все личные данные участников исследования были удалены после сбора данных.

Результаты

Мы уравнили исследуемые группы по календарному возрасту, чтобы возрастные характеристики не смазывали эффект от действия других переменных. После этого мы сравнили ожидаемый пенсионный возраст и характеристики

здоровья в изучаемых странах (результаты представлены в табл. 1).

Как видно из табл. 1, российская и казахстанская выборки, уравненные по календарному возрасту, достоверно различаются по всем остальным параметрам. Ожидаемый пенсионный возраст, характеризующий профессиональное долголетие, у мужчин и у женщин достоверно выше в Казахстане. Но у тех и других он ниже, чем официальный возраст выхода на пенсию в стране.

Объективный показатель здоровья (статическая балансировка) выше у российских респондентов обоого пола. А субъективный показатель здоровья лучше у казахстанских респондентов, у них достоверно ниже субъективно оцениваемое количество заболеваний.

Мы измерили % респондентов с высоким профессиональным долголетием (ОПВ выше официального возраста выхода на пенсию, 60 — для женщин, 63 — для мужчин), нормальным (ОПВ совпадает с официальным пенсионным возрастом) и средним (ОПВ ниже офици-

Таблица 1

Сравнительный анализ ожидаемого пенсионного возраста и показателей здоровья для респондентов Российской Федерации (РФ) и Республики Казахстан (РК)

Показатель	Среднее в РФ	Среднее в РК	<i>t</i>	<i>p</i>
Женщины				
КВ	50,6 ± 9,13	49,1 ± 8,18	1,4	<i>p</i> > 0,05 (не значимо)
ОПВ	54,9 ± 3,77	57,4 ± 2,21	6,3	<i>p</i> < 0,001
СБ	15,7 ± 15,94	12,20 ± 5,46	2,2	<i>p</i> < 0,05
СОЗ	14,3 ± 5,27	7,7 ± 2,29	12,4	<i>p</i> < 0,001
Мужчины				
КВ	49,6 ± 12,91	47,6 ± 8,49	1,3	<i>p</i> > 0,05 (не значимо)
ОПВ	58,3 ± 4,30	60,8 ± 3,09	4,8	<i>p</i> < 0,01
СБ	20,3 ± 19,19	14,6 ± 5,49	2,9	<i>p</i> < 0,01
СОЗ	10,4 ± 5,16	6,5 ± 1,47	7,7	<i>p</i> < 0,001

Примечания. КВ — календарный возраст; ОПВ — ожидаемый пенсионный возраст; СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний); *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости.

циального пенсионного возраста), результаты представлены в табл. 2.

В выборке женщин из Казахстана лица с высоким ОПВ отсутствовали, для вычисления ϕ -критерия необходимо натуральное число, поэтому мы ставили 1 случай. Это увеличивает достоверность сравнительного анализа, а не уменьшает его.

Как видно из табл. 2, основные тенденции сохраняются и в мужской, и в женской выборке. Жители Казахстана достоверно чаще планируют выйти на пенсию, достигнув определенного законом возраста (это относится и к мужчи-

нам, и к женщинам). В России основное большинство респондентов надеется выйти на пенсию раньше срока. Однако интересно то, что количество женщин, готовых выйти на пенсию позднее законного срока, в России тоже достоверно выше (в Казахстане таковых вообще не оказалось), у мужчин тенденция сохраняется, но не достигает степени достоверности.

С помощью регрессионного анализа мы выявили, какие факторы влияют на планируемое респондентами профессиональное долголетие (ОПВ). Результаты российских женщин представлены в табл. 3, а казахстанских – в табл. 4.

Таблица 2

Соотношение лиц с высоким, нормальным и средним ожидаемым пенсионным возрастом

ОПВ (уровни)	ОПВ в Российской Федерации (%)	ОПВ в Республике Казахстан (%)	ϕ	p
Женщины				
Высокий	5	0	2,125	$p < 0,05$
Нормальный	1	19	4,83	$p < 0,01$
Средний	94	81	2,878	$p < 0,01$
Мужчины				
Высокий	5	3	0,979	$p > 0,05$ (не значимо)
Нормальный	3	48	7,186	$p < 0,01$
Средний	92	50	7,05	$p < 0,01$

Примечания. ОПВ – ожидаемый пенсионный возраст; ϕ – критерий Фишера; p – уровень значимости.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для женщин Российской Федерации

Показатели	β	B	$t(129)$	p
Константа (свободный член)		55,79	28,37	0,001
СБ	0,34	0,08	4,73	0,001
Ресурс «Достижения»	0,20	0,55	2,73	0,01
СОЗ	-0,20	-0,15	-2,88	0,01
Ресурс «Оптимизм»	0,10	0,25	1,23	0,22
Наличие детей	-0,18	-2,03	-2,60	0,01
Ресурс «Духовность (самосовершенствование)»	0,11	0,34	1,46	0,15

Показатели	бета	B	t(129)	p
Ресурс «Рукоделие (предметная деятельность)»	0,12	0,42	1,74	0,08
Ресурс «Риск»	-0,09	-0,29	-1,32	0,18
Ресурс «Общение»	0,09	0,20	1,03	0,30

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна и объясняет 40% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,40$, $F(9,129) = 11,4$, $p < 0,001$); бета – стандартизированный коэффициент регрессии; B – коэффициент регрессии; t – критерий Стьюдента; p – уровень значимости. СБ – статическая балансировка; СОЗ – субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

Как видно из табл. 3, профессиональное долголетие (ожидаемый пенсионный возраст) женщин в России увеличивают: хорошее здоровье (статическая балансировка и субъективная оценка здоровья (обратная шкала)), наличие достижений в любых видах деятельности. Снижают: наличие детей. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Как видно из табл. 4, профессиональное долголетие (ожидаемый пенсионный

возраст) женщин в Казахстане увеличивают: возраст респондента, объективные показатели здоровья (статическая балансировка), некоторые хобби также увеличивают ОПВ (альтруистические занятия, юмор), но другие понижают его (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование, оптимизм). Понижает профессиональное долголетие также наличие семьи. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для женщин Республики Казахстан

Показатели	бета	B	t(105)	p
Константа (свободный член)		54,3	29,21	0,001
Возраст	0,39	2,52	4,48	0,001
Ресурс «Альтруизм»	0,33	0,98	3,42	0,001
СБ	0,36	0,15	3,82	0,001
Ресурс «Общение»	-0,28	-0,52	-2,92	0,01
Наличие семьи	-0,32	-0,84	-3,56	0,001
Ресурс «Оптимизм»	-0,18	-0,50	-2,12	0,04
Ресурс «Юмор»	0,28	0,84	2,99	0,01
Ресурс «Духовность (самосовершенствование)»	-0,21	-0,71	-2,49	0,01
Местоительство	-0,13	-0,32	-1,69	0,09
Ресурс «Природа»	-0,19	-0,36	-2,06	0,04
СОЗ	0,12	0,12	1,45	0,15

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна и объясняет 33% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,33$, $F(11,105) = 6,21$, $p < 0,001$); бета – стандартизированный коэффициент регрессии; B – коэффициент регрессии; t – критерий Стьюдента; p – уровень значимости. СБ – статическая балансировка; СОЗ – субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

Результаты регрессионных уравнений для мужских выборок представлены в табл. 5, 6.

Как видно из табл. 5, наличие у мужчин РФ интересных хобби (интеллектуальных) уменьшает ожидаемый пенсионный возраст и тем самым снижает профессиональное долголетие. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравнение, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Как видно из табл. 6, достоверно ОПВ снижает проживание в крупном городе. Остальные показатели по результатам анализа входят в регрессионное уравне-

ние, но эффект каждого по отдельности не достигает уровня значимости.

Обсуждение результатов

Обратим внимание, что средний ожидаемый пенсионный возраст и в России, и в Казахстане и для мужчин, и для женщин ниже фактически определенного законом. При этом профессиональная реформа для мужчин в Казахстане уже давно завершилась, и они могли адаптироваться к повышенному сроку трудовой деятельности. Для женщин Казахстана, а также для мужчин и женщин России пенсионная реформа началась относительно недавно и в настоящее время продолжается. У жен-

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для мужчин Российской Федерации

Индивидуально-личностные показатели	бета	<i>B</i>	<i>t</i> (106)	<i>p</i>
Константа (свободный член)		58,68	55,08	0,001
Ресурс «Интеллект»	-0,23	-0,74	-2,29	0,02
СБ	0,13	0,03	1,32	0,19
Ресурс «Предметная деятельность (рукоделие)»	0,12	0,46	1,25	0,22

Примечания. Данная регрессионная модель объясняет только 3% дисперсии, достоверность на уровне тенденции ($R^2 = 0,03$, $F(3,106) = 2,17$, $p < 0,09$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии; *B* — коэффициент регрессии; *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости; СБ — статическая балансировка.

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа для прогнозирования ожидаемого пенсионного возраста для мужчин Республики Казахстан

Индивидуально-личностные показатели	бета	<i>B</i>	<i>t</i> (103)	<i>p</i>
Константа (свободный член)		63,33	34,65	0,001
Местожителство	-0,43	-1,51	-4,94	0,001
СБ	-0,13	-0,07	-1,48	0,14
СОЗ	0,15	0,31	1,65	0,10
Ресурс «Творчество»	-0,09	-0,44	-1,03	0,30

Примечания. Данная регрессионная модель достоверна, объясняет только 23% дисперсии (скорректированное $R^2 = 0,23$, $F(4,103) = 8,98$, $p < 0,001$); бета — стандартизированный коэффициент регрессии, *B* — коэффициент регрессии; *t* — критерий Стьюдента; *p* — уровень значимости. СБ — статическая балансировка; СОЗ — субъективная оценка здоровья (количество заболеваний).

щин Казахстана выход на пенсию ранее происходил в 58 лет. Но сейчас в процессе реформы власти решили постепенно поднять пенсионный возраст женщин до 61 года. В России в настоящий момент пенсионная реформа идет и для мужчин, и для женщин, возраст выхода на пенсию ранее был 55 лет для женщин и 60 — для мужчин, а станет для мужчин — 63 года, а для женщин — 60 лет.

Однако женщины России определяют свой ожидаемый пенсионный возраст в 54,9 лет, женщины Казахстана — в 57,4 года; мужчины России — в 58,3 лет, а мужчины Казахстана — в 60,8 лет. Обратим внимание на два факта. Во-первых, у респондентов из Казахстана все показатели выше. Во-вторых, у тех и у других они ниже объективного пенсионного возраста. Первое можно объяснить, исходя из того, что до начала пенсионной реформы мужчины и женщины в Казахстане работали дольше, чем в России, поэтому они уже адаптировались и свое профессиональное долголетие планировали, опираясь на имеющиеся факты (58 лет — для женщин и 63 — для мужчин), а российские респонденты опирались на меньшие цифры (55 — для женщин и 60 — для мужчин). Второе можно объяснить тем, что часть респондентов имели право на досрочную пенсию. И хотя мы исключили из окончательной выборки самые большие группы лиц, имеющих такое право по профессиональному фактору, тем не менее остались отдельные представители, имеющие его из-за других причин (многолетние родители, инвалидность и т.п.). Возможно, таких людей оказалось больше, чем мы ожидали, а может быть, просто большинству людей хочется выйти на пенсию раньше.

Интересно другое. В Казахстане количество респондентов, планирующих выйти на пенсию точно в срок, определенный законом, выше российского более чем в 10 раз. Такими мы считаем респондентов,

которые свое профессиональное долголетие вплотную соотнесли с законами своей страны; у них субъективный показатель (ожидаемый пенсионный возраст) равен объективному (определенному законом); мужчин таких — 48%, а женщин — 19%. Но только единицы россиян планируют выйти на пенсию в срок, зато в России большой процент людей с повышенным профессиональным долголетием. Если в Казахстане таких женщин нет вообще, то в России их 5% (мужчин тоже 5% по отношению к казахстанским 3%). Россияне, планирующие повышенный ОПВ, объясняли это интересной работой, желанием сделать карьеру, надеждой на то, что у них долго будет хорошее здоровье. Впрочем, россияне, показавшие пониженный ОПВ, тоже часто апеллировали к здоровью, они хотели сохранить здоровье подольше и поэтому планировали уйти на пенсию пораньше. Интересны кросс-культурные различия по оценке своего здоровья. Субъективно российские респонденты оценивают состояние своего здоровья достоверно ниже, чем жители Казахстана, а объективный параметр здоровья тем не менее у российских мужчин и женщин выше. Этот факт требует дополнительного исследования.

Изначально мы предполагали, что с планируемым профессиональным долголетием будут связаны: состояние здоровья, семейный статус, наличие разнообразных хобби и других видов активности. Результаты оказались сложнее, чем мы ожидали. Состояние здоровья входит в регрессионное уравнение практически у всех групп. Однако оно повышает ожидаемый пенсионный возраст не у всех. У мужчин в Казахстане оно не значимо. Мы полагаем, что субъективное и объективное состояние здоровья связано с планированием более длительного профессионального пути у тех людей, которые полагают, что «чем дольше я буду

работать, тем, значит, у меня дольше будет хорошее здоровье». Наоборот, при хорошем здоровье люди планируют быстрее выйти на пенсию, если у них доминирует мотивация сохранения здоровья, «пока оно не ухудшилось». Обратим внимание, что в Казахстане к факторам профессионального долголетия входит местожителство с отрицательным знаком (иначе говоря, проживание в городе снижает ожидаемый пенсионный возраст). Это соответствует ранее полученным другими исследователями данным. Исследователи показали, что статистически значимыми предикторами эмоционального выгорания медицинских работников являются такие факторы, как место работы, городское или сельское [18], которое обычно совпадает с местом жительства.

Семейный статус оказался связан с продолжительностью планируемого трудового периода только у женщин. При этом в Казахстане с ОПВ отрицательно связано наличие семьи, а в России — наличие детей. В Казахстане имеющие семью (мужа) женщины, а в России имеющие детей женщины планируют выйти на пенсию раньше, чем не имеющие. С одной стороны, наличие семьи (мужа) или детей дает женщине защиту, в том числе в материальном плане, и позволяет выйти на пенсию раньше. С другой стороны, семейный статус может быть значимой частью стратегии профессионального долголетия, выделенной нами посредством регрессионного анализа. Особенно наглядно это видно при сравнении женских стратегий в России и Казахстане. В России наличие хобби и дополнительных интересов увеличивает профессиональное долголетие женщины (ресурс «рукоделие» на уровне тенденции). В Казахстане иногда его понижают (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование, оптимизм), хотя ресурсы «альтруистические занятия» и «юмор» повышают его. В рамках

нашей модели личностные ресурсы представляют собой виды активности; общение как ресурс — это наличие друзей, знакомых, частота встреч с ними, совместных времяпрепровождений (пойти в гости) и т.п. Возможно, в Казахстане большая часть партнеров по общению — это члены семьи, поэтому ориентированная на общение женщина будет стремиться быстрее выйти на пенсию, а в России партнерами по общению часто бывают друзья, знакомые, в том числе коллеги по работе, поэтому данный ресурс не влияет на выход на пенсию. Также интересно, что наличие альтруистических хобби у женщин в Казахстане способствует их профессиональному долголетию. Возможно, это потому, что альтруистическое поведение у них оказывается связано с работой (помощь коллегам, участие в благотворительных мероприятиях), в то время как заботу о близких, помощь членам семьи женщины воспринимают как само собой разумеющееся, не считая это альтруистическими поступками. Поэтому и появлялась связь между альтруистическими поступками и планированием длительности трудового периода.

Обратим внимание, что наличие у мужчин в России интересных хобби (интеллектуальные хобби) является скорее поводом прекратить трудовую деятельность и заняться хобби, чем ее продолжать; у мужчин в Казахстане фактор хобби не значим.

Заключение

Таким образом, мы можем выделить объективные и субъективные факторы, связанные с ожидаемым профессиональным долголетием в России и в Казахстане. В России для женщин объективными факторами являются: состояние здоровья, дети (их наличие понижает профессиональное долголетие), наличие хобби (рукоделие) и ресурса «достижения». Субъективным фактором является субъек-

ективная оценка состояния здоровья. Скорее всего, более длительный трудовой период планирует ориентированная на карьеру женщина с хорошим здоровьем, чья самореализация связана с работой, и ее это устраивает. В Казахстане для женщин объективными факторами также являются состояние здоровья, возраст, наличие семьи (снижает профессиональное долголетие), большинство хобби понижают ожидаемый пенсионный возраст (общение, хобби, связанные с природой, самосовершенствование), увеличивают его только хобби: альтруистические занятия и юмор. Субъективный фактор — оптимизм, он снижает ожидаемый пенсионный возраст. Скорее всего, ориентированная на профессиональное долголетие — это женщина с хорошим здоровьем, не имеющая семьи, опечаленная этим, но находящая выход в юморе и альтруистических поступках. У мужчин в России серьезные интеллектуальные хобби понижают профессиональное долголетие. Остальные факторы не достигают уровня значимости. Для мужчин в Казахстане объективным фактором является местожительство в крупном городе (оно снижает профессиональное долголетие).

В целом у мужчин на профессиональное долголетие влияет меньшее количество из изученных нами факторов.

В любом случае самым главным фактором профессионального долголетия выступает состояние здоровья (объективное и субъективное). Наличие семьи и детей важны только для женщин, и они снижают профессиональное долголетие. Наличие интересных хобби повышает профессиональное долголетие у женщин в России, частично у женщин в Казахстане и снижает его у мужчин в РФ. В Казахстане на профессиональное долголетие влияет местожительство, проживание в крупном городе снижает его и у мужчин, и у женщин (у женщин на уровне тенденции).

Перспективы исследования. Необходимо расширить диагностическую батарею и продолжить исследование, выделив другие субъективные и объективные факторы профессионального долголетия.

Ограничения результатов. Результаты относятся только к изученным возрастным (35–70 лет) и профессиональным (исключены учителя средних школ и представители профессий особого риска) группам.

Литература

1. *Бенберин В.В., Ахетов А.А., Танбаева Г.З.* Медико-социальные технологии моделирования активного долголетия в Республике Казахстан // *Успехи геронтологии.* 2015. Т. 28. № 1. С. 173–176.
2. *Березина Т.Н.* Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» — оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста // *Социальная психология и общество.* 2023. Том 14. № 2. С. 134–151. DOI:10.17759/sps.2023140209
3. *Березина Т.Н.* Стандартизация теста «Опросник личностных ресурсов» (ресурсных областей). [Электронный ресурс] // OSF. 2022. URL: <https://osf.io/pwg24/> (дата обращения: 15.10.2024).
4. *Березина Т.Н., Рыбцов С.А.* Влияние карантина на показатели биопсихологического возраста в России (лонгитюдное исследование) // *Современная зарубежная психология.* 2021. Т. 10. № 1. С. 57–69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106
5. Биологический возраст. Наследственность и старение / Под ред. В.П. Войтенко, А.В. Токарь. Киев: Ин-т геронтологии, 1984. 143 с.

6. *Викторов А.А., Алехнович А.В., Гладких В.Д.* Прогнозирование профессионального долголетия военнослужащих на основе кинетической теории старения // *Госпитальная медицина: наука и практика*. 2018. Т. 1. № 5. С. 12–17.
7. *Волков П.Б.* Профессионально-прикладная физическая подготовка как фактор профессионального и творческого долголетия активной части профессорско-преподавательского состава вуза // *NovaInfo.Ru*. 2015. Т. 2. № 32. С. 268–274.
8. *Горбунова Н.В., Фетисов А.С.* Психологическое здоровье педагога как фактор профессионального долголетия // *Перспективы науки и образования*. 2023. № 2(62). С. 500–516. DOI:10.32744/pse.2023.2.29
9. *Иванова А.Е., Вангородская С.А.* Жениться или не жениться: как брачный статус определяет установки на долголетие российских мужчин? // *Социальное пространство*. 2023. Т. 9. № 1. DOI:10.15838/sa.2023.1.37.3
10. *Розенова М.И.* Качество семейных отношений и субъективные оценки вероятностной продолжительности жизни // *Человеческий капитал*. 2022. № 12–1(168). С. 209–225. DOI:10.25629/НС.2022.12.33
11. *Саралиева З.Х.* Ресурсное обеспечение отложенного старения // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2023. № 4(72). С. 92–100.
12. Успешность, работа и старение: фундаментальные, прикладные и научно-популярные аспекты профессионального долголетия / И.Б. Дуракова [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА–М», 2023. 187 с. DOI:10.12737/1912427
13. Факторы, обуславливающие профессиональное долголетие научных сотрудников / А.М. Алленов [и др.] // *Медицина труда и промышленная экология*. 2021. Т. 61. № 6. С. 385–401. DOI:10.31089/1026-9428-2021-61-6-385-401
14. *Шкарин В.В., Воробьев А.А., Аджиенко В.Л., Андриющенко Ф.А.* Профессиональное долголетие – пути и способы достижения // *Вестник Волгоградского государственного медицинского университета*. 2022. Т. 19. № 2. С. 19–26. DOI:10.19163/1994-9480-2022-19-2-19-19-26
15. *Bennett J., Möhring K.* Cumulative (dis)advantage? The impact of labour market policies on late career employment from a life course perspective // *Journal of Social Policy*. 2015. Vol. 44. P. 213–233. DOI:10.1017/S0047279414000816
16. Estimating Working Life Expectancy: A Comparison of Multistate Models / Chungkham H. [et al.] // *Innovation in Aging*. 2023. Vol. 7. Issue Supplement_1, December 2023. P. 314–315. DOI:10.1093/geroni/igad104.1046
17. *Kuitto K., Helmdag J.* Extending working lives: How policies shape retirement and labour market participation of older workers // *Soc Policy Adm*. 2021. Vol. 55. P. 423–439. DOI:10.1111/spol.12717
18. *Migina L., Myssayev A., Meirmanov S., Uristemova A.* Professional burnout in primary health care workers of the Republic of Kazakhstan // *Clinical Epidemiology and Global Health*. 2023. Vol. 23. 101359. DOI:10.1016/j.cegh.2023.101359
19. *Panzabekova A., Digel I.* Factors affecting life expectancy in Kazakhstan // *R-Economy*. 2020. Vol. 6. P. 261–270. DOI:10.15826/recon.2020.6.4.023
20. *Sanwal T., Sareen P.* The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful // *Ageing Int*. 2023. Vol. 48. P. 247–262. DOI:10.1007/s12126-021-09469-z
21. *Sapieva M., Bulatbayeva K., Mazbayev O., Pussyrmanov N.* Professional Development of university teachers: Kazakhstan context // *Cypriot Journal of Educational Sciences*. 2023. Vol. 18(1). P. 300–312. DOI:10.18844/cjes.v18i1.8083

References

1. Benberin V.V., Akhetov A.A., Tanbayeva G.Z. Mediko-sotsial'nyye tekhnologii modelirovaniya aktivnogo dolgoletiya v Respublike Kazakhstan [Medical and social technologies for modeling

- active longevity in the Republic of Kazakhstan]. *Uspekhi gerontologii = Advances in gerontology*, 2015. Vol. 28, no. 1, pp. 173–176. (In Russ.).
2. Berezina T.N. Sotsial'no-psikhologicheskiye programmy: «Aktivnoye dolgoletiyе» i «Antistareniye XXI» – otsenka effektivnosti po pokazatelyam biopsikhologicheskogo vozrasta [Socio-Psychological Programs: “Active Longevity” and “Anti-Aging XXI” – Evaluation of Effectiveness in Terms of Biopsychological Age]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 134–151. DOI:10.17759/sps.2023140209 (In Russ.).
 3. Berezina T.N. Standartizatsiya testa «Oprosnik lichnostnykh resursov» (resursnykh oblastey). [Elektronnyy resurs] [Standardization of the test “Questionnaire of personal resources” (resource areas)]. *OSF*. 2022. URL: <https://osf.io/pwg24/> (Accessed 15.10.2024).
 4. Berezina T.N., Rybtsov S.A. Vliyaniye karantina na pokazateli biopsikhologicheskogo vozrasta v Rossii (longitudynoye issledovaniye) [Impact of Quarantine on Biopsychological Age Indicators in Russia (Longitudinal Study)]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern foreign psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 57–69. DOI:10.17759/jmfp.2021100106 (In Russ.).
 5. Biologicheskii vozrast. Nasledstvennost' i starenie [Biological age. Heredity and aging]. In V.P. Voitenko, A.V. Tokar' (eds.). Kiev: In-t gerontologii, 1984. 143 p. (In Russ.).
 6. Viktorov A.A., Alekhnovich A.V., Gladkikh V.D. Prognozirovaniye professional'nogo dolgoletiya voyennosluzhashchikh na osnove kineticheskoy teorii stareniya [Prediction of professional longevity of military personnel based on the kinetic theory of aging]. *Gospital'naya meditsina: nauka i praktika = Hospital medicine: science and practice*, 2018. Vol. 1, no. 5, pp. 12–17. (In Russ.).
 7. Volkov P.B. Professional'no-prikladnaya fizicheskaya podgotovka kak faktor professional'nogo i tvorcheskogo dolgoletiya aktivnoy chasti professorsko-prepodavatel'skogo sostava vuza [Professional applied physical training as a factor in the professional and creative longevity of the active part of the university teaching staff]. *NovaInfo.Ru = NovaInfo.Ru*, 2015. Vol. 2, no. 32, pp. 268–274. (In Russ.).
 8. Gorbunova N.V., Fetisov A.S. Psikhologicheskoye zdorov'ye pedagoga kak faktor professional'nogo dolgoletiya [Psychological health of a teacher as a factor of professional longevity]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of science and education*, 2023, no. 2(62), pp. 500–516. DOI:10.32744/pse.2023.2.29 (In Russ.).
 9. Ivanova A.Ye., Vangorodskaya S.A. Zhenit'sya ili ne zhenit'sya: kak brachnyy status opredelyayet ustanovki na dolgoletiyе rossiyskikh muzhchin? [To marry or not to marry: how does marital status determine attitudes towards longevity of Russian men?]. *Sotsial'noye prostranstvo = Social space*, 2023. Vol. 9, no. 1. DOI:10.15838/sa.2023.1.37.3 (In Russ.).
 10. Rozenova M.I. Kachestvo semeynykh otnosheniy i sub'yektivnyye otsenki veroyatnostnoy prodolzhitel'nosti zhizni [Quality of family relationships and subjective assessments of probabilistic life expectancy]. *Chelovecheskiy kapital = Human capital*, 2022, no. 12–1(168), pp. 209–225. DOI:10.25629/HC.2022.12.33 (In Russ.).
 11. Saraliyeva Z.H. Resursnoye obespecheniye otlozhennogo stareniya [Resource support for delayed aging]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2023, no. 4(72), pp. 92–100. (In Russ.).
 12. Uspeshnost', rabota i starenie: fundamental'nyye, prikladnyye i nauchno-populyarnyye aspekty professional'nogo dolgoletiya [Success, work and aging: fundamental, applied and popular science aspects of professional longevity]. I.B. Durakova [et al.]. Moscow: Obshchestvos ogranichennoy otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skiy tsentr INFRA–M», 2023. 187 p. DOI:10.12737/1912427 (In Russ.).
 13. Faktory, obuslovlivayushchiye professional'noye dolgoletiyе nauchnykh sotrudnikov [Factors determining the professional longevity of scientific employees]. A.M. Allenov [et al.]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya = Occupational Medicine and Industrial Ecology*, 2021. Vol. 61, no. 6, pp. 385–401. DOI:10.31089/1026-9428-2021-61-6-385-401 (In Russ.).

14. Shkarin V.V., Vorob'yev A.A., Adzhiyenko V.L., Andryushchenko F.A. Professional'noye dolgoletiyе – puti i sposoby dostizheniya [Professional longevity – ways and means of achieving it]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta = Bulletin of the Volgograd State Medical University*, 2022. Vol. 19, no. 2, pp. 19–26. DOI:10.19163/1994-9480-2022-19-2-19-19-26 (In Russ.).
15. Bennett J., Möhring K. Cumulative (dis)advantage? The impact of labour market policies on late career employment from a life course perspective. *Journal of Social Policy*, 2015. Vol. 44, pp. 213–233. DOI:10.1017/S0047279414000816
16. Estimating Working Life Expectancy: A Comparison of Multistate Models / Chungkham H. [et al.]. *Innovation in Aging*, 2023. Vol. 7, Issue Supplement_1, December 2023, pp. 314–315. DOI:10.1093/geroni/igad104.1046
17. Kuitto K., Helmdag J. Extending working lives: How policies shape retirement and labour market participation of older workers. *Soc Policy Adm*, 2021. Vol. 55, pp. 423–439. DOI:10.1111/spol.12717
18. Mígina L., Myssayev A., Meirmanov S., Uristemova A. Professional burnout in primary health care workers of the Republic of Kazakhstan. *Clinical Epidemiology and Global Health*, 2023. Vol. 23, 101359. DOI:10.1016/j.cegh.2023.101359
19. Panzabekova A., Digel I. Factors affecting life expectancy in Kazakhstan. *R-Economy*, 2020. Vol. 6, pp. 261–270. DOI:10.15826/recon.2020.6.4.023
20. Sanwal T., Sareen P. The Relevance of Social Intelligence for Effective Optimization of Retirement and Successful. *Ageing. Ageing Int*, 2023. Vol. 48, pp. 247–262. DOI:10.1007/s12126-021-09469-z
21. Sapieva M., Bulatbayeva K., Mazbayev O., Pussyrmanov N. Professional Development of university teachers: Kazakhstan context. *Cypriot Journal of Educational Sciences*, 2023. Vol. 18(1), pp. 300–312. DOI:10.18844/cjes.v18i1.808

Информация об авторах

Березина Татьяна Николаевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Стельмах Светлана Александровна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и коррекционной педагогики, Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Саральпова Дана Игоревна, ассистент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralпова@mail.ru

Information about the authors

Tatiana N. Berezina, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8188-237X>, e-mail: tanberez@mail.ru

Svetlana A. Stelmakh, Candidate of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Psychology and Correctional Pedagogy, Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3383-4189>, e-mail: stelmah_svetlana@mail.ru

Dana I. Saralпова, Assistant, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1269-9640>, e-mail: dana_saralпова@mail.ru

Получена 18.02.2024

Received 18.02.2024

Принята в печать 12.03.2025

Accepted 12.03.2025